

Title	8. The Soviet Book Market : Supply and Demand
Author(s)	Friedberg, Maurice; Watanabe, Masaji; Nakamoto, Nobuyuki
Citation	Acta Slavica Iaponica, 2, 177-192
Issue Date	1984
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/7941
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034083.pdf

8. The Soviet Book Market: Supply and Demand

Maurice Friedberg

My choice of topic — the Soviet book market: supply and demand — was, to be sure, influenced in large part by the interdisciplinary character of this gathering. A very technical paper on, say, some literary devices in Russian verse would have been out of place. At the same time, I submit that this economic aspect, if you wish, of the literary process ultimately influences the nature of a country's cultural life and even the direction of the evolution of literary genres. That some scholarly purists disdain the issue is another matter. Their predilections and taboos affect *them*, and not the importance of the subject, much as the prudishness of Victorian scholars bore little connection to the celebration of the human form in classical Greek sculpture, or, indeed, the sensuality of England's own Elizabethan and Restoration drama. Pushkin thought the economic issue important enough, as attested by his "Conversation of the Bookseller with the Poet" — *Razgovor knigoprodavtsa s poetom* — to say nothing of his abiding personal concern with the issue, since literature afforded him a livelihood. *Pishu dlia sebia, pechataius' dlia deneg*, he is said to have observed on one occasion: "I write for myself, but publish for the money." More than a half a century ago, two of Russia's most important students of the literary devices and technique, the Formalist critics Boris Eikhenbaum and Victor Shklovskii, sponsored the appearance of a volume with the eloquent title, *Commerce and Letters — Slovesnost' i kommertsiiia* — which probed the subject of their complex interdependence in pre-Soviet Russia.¹ Surprisingly, there are no similar studies dealing in detail with the problem of supply and demand for different *types* of books in the USSR. As I shall attempt to demonstrate, the single most likely reason for the failure to probe this question is much the same as that which stood in the way of sociological scholarship during the Stalin era. Investigations of this sort would inevitably reveal a great deal of sham, pretense, and crude political coercion in Soviet cultural life. There is, however, a significant body of evidence scattered in a variety of published Soviet sources. And while there is every reason to believe that unofficial evidence (such as interviews with recent emigres from the USSR) would provide much additional information, this study is predicated on the belief that even printed Soviet sources provide sufficient documentation to support our thesis. That thesis may be briefly summarized as follows. However impressive in absolute figures, Soviet book production falls far short of satisfying public demand. The reason for this failure is not so much inadequacy of the sheer volume of book production, a failure readily admitted by Soviet spokesmen with a degree of perverse pride. (It attests, or so

1 T. Grits, V. Trenin, M. Nikitin, *Slovesnost' i kommertsiiia* (Knizhnaia lavka A. F. Smirdina). Pod redaktsiei V. B. Shklovskogo i B. M. Eikhenbauma. (Moscow: Federatsiia, 1929).

they claim, to insatiable appetites of the public for cultural production.)² Nor is it entirely a consequence of the real enough scarcity of paper. Rather, acute shortages of a wide variety of books in the USSR are a result of a permanent tug of war between the Communist authorities and the Soviet reading public.

Forbidden books aside (the vast and important subject remains outside our purview here), books printed in the USSR by government-owned presses, sold in Soviet stores and circulated by Soviet libraries fall, roughly, into two distinct categories. There are those publications that the authorities are eager to disseminate as widely as possible, and those to which they merely have no objections. The first group includes a variety of political books and pamphlets that range from classics of Marxism-Leninism to pronouncements of current Soviet leaders. The second consists of subject matter ranging from fiction (pre-revolutionary, Soviet and translations of foreign writing), to juvenile books to reference works, i.e., books that entertain or those of immediate practical value. The Soviet authorities persist in hoping against hope that readers will purchase political books, and also borrow them from libraries, while Soviet readers show equal stubbornness and determination in avoiding those books. Similarly, the population's strong preference for useful or entertaining reading — a preference that would, in conditions of market economy, automatically translate into production of such books to satisfy the demand — results in a confusing dilemma. Soviet bookstores tend, by and large, to seek ways to satisfy public demand, for the obvious reason that they stand to make a profit on the sales. In doing so, they seemingly should also please the authorities which expect them to show a profit. Paradoxically, however, the authorities, instead of praising them, take them to task for being concerned with *mere* profits. It seems that bookstores should also, somehow, persuade their clientele to purchase political books. The public, however, refuses to cooperate, and the stalemate persists. Periods of ideological fervor favor the guardians of Communist doctrine, while the public's real tastes and predilections tend to be indulged at times of liberal "thaws." And so it goes, with no permanent resolution of the conflict in sight.

Soviet accounts of the country's book production and public demand for books invariably include these two indicators among the proudest achievements of the Soviet regime. Thus, the late Leonid I. Brezhnev emphasized in 1971 in his report to the Twenty-Fourth Communist Party Congress, "There is an enormous interest in books in our country. The Soviet people is rightly regarded as the world's leader in reading."³ These claims are only partly borne out by inflated statistical evidence intentionally obfuscated through the stratagem of lumping to-

2 Thus, for example, a recent scholarly account reported with apparent pride: "Try as they may, our publishing houses simply cannot satisfy the Soviet people's need for books. In all objectivity, one must concede that in this respect the chasm between supply and demand does not, alas, appear to be narrowing." N. M. Sikorskii, *Kniga, Chitatei', Biblioteka* (Moscow: Kniga, 1979), p. 78.

3 Ibid. The original Russian was *Po pravu sovetskii narod schitaetsia samym chitaiushchim narodem v mire*.

counting separately every volume in multivolume sets, and counting also every translation of the same title, an important consideration in a country that publishes in over a hundred languages. Still, even allowing for hyperbole, there is no disputing the fact that Soviet publishing statistics are impressive enough.⁴ Indeed, they would remain impressive even if some acknowledgement were occasionally made of the fact that the achievement is not entirely Soviet, and that some of the credit belongs to Imperial Russia.⁵ And yet, as already suggested, demand continues to outstrip supply to a degree that can only be described as shocking. Thus, a recent Soviet study informs that "As is known, many customers (in some bookstores, up to eighty percent) leave without making any purchase. What is more, these people have not even considered buying any of the books in stock."⁶ In a curious coincidence, an almost identical percentage of orders from public libraries — no less than eighty percent — are not filled by book distributors.⁷ On examination, however, it turns out that the unobtainable books tend to cluster in certain categories. Thus, a British student of Soviet publishing points out that in 1975 only 16.8 percent (or, exactly, one out of six) of orders in the category of fiction were filled by book distributors in the Russian Republic.⁸ The report was corroborated by a Soviet study published in 1979 which reported more than one-half of disappointed library patrons in villages and small towns left empty-handed because the library did not *own* the literary works they wanted to borrow. Indeed, the study reported the existence

-
- 4 Thus, in 1976, the Soviet Union's 195 publishing houses brought out 84,304 books and pamphlets with an aggregate press run of 1,744,515,000 copies. These were printed in 60 languages of the USSR and 49 foreign languages. Soviet book production is sold to individuals in the USSR and abroad, and also to the country's approximately 350,000 libraries serving over 180 million readers. Sikorskii, *Kniga, Chitatel', Biblioteka*, p. 809. Curiously, the number of titles had decreased since 1974, when 86,800 books and pamphlets were published. A book is now defined (in accordance with international usage) as a publication over 48 pages in length, while pamphlets have between four and 48 pages. M. F. Arbuzov, *Knizhnaia torgovlia v SSSR: Teoret. osnovy i printsipy organizatsii* (Moscow: Kniga, 1976), p. 53.
- 5 As I wrote over twenty years ago, "...few scholars seem to be aware of the fact that in the production of books the otherwise backward Imperial Russia was one of the world's most advanced countries. Already at the end of the eighteenth century the Russian output was approximately one title every day — a very considerable figure for the period. On the eve of the First World War Russia produced annually twenty times as many titles as she did half a century earlier, after the abolition of serfdom. By 1913 Russia was the second largest producer of books in the world, ranking close to Germany in number of titles and equalling the total of Great Britain, France and the United States combined." Maurice Friedberg, *Russian Classics in Soviet Jackets* (New York: Columbia University Press, 1962), p. IX.
- 6 B. G. Reznikov, *Organizatsiia i tekhnika knizhnoi torgovli* (Moscow: Kniga, 1965), p. 86.
- 7 Sikorskii, *Kniga, Chitatel', Biblioteka* p. 87.
- 8 Gregory Walker, *Soviet Book Publishing Policy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), p. 104.

of a curious form of *samizdat* handwritten anthologies of perfectly legal verse by Ryleev, Baratynskii, Blok and, most surprisingly, Maiakovskii, long the poet laureate of the Revolution.⁹ There are serious shortages, it appears, of books Soviet publishers might be expected to favor, such as popular science, long publicly recognized as a valuable tool for encouraging an interest in science among the young. Thus, in 1973, bookstores had ordered 6,330,000 copies of books in this category, but received only 1,650,000. If anything, things had gotten worse two years later, when the corresponding figures were 7,245,000 and 1,555,000.¹⁰ Other sources report shortages of reference works, juvenile books and other publications. Still, it seems that the distinction of most *defitsitnaia kniga*, the category in which shortages are most acute, belongs to translations of West European and American writing, in particular those deemed ideologically questionable or books that can be classified as escapist reading. Often such books are soon obtainable only on the black market. Thus, in the mid-1960s, black marketeers were doing brisk business in Franz Kafka, then published in Russian for the first time ever.¹¹ A decade later, *Komsomol'skaia pravda* of November 4, 1976, informed that a copy of Alexandre Dumas' juvenile classic *The Three Musketeers* was selling on the black market for twenty-five rubles, which is more than an average earner's weekly wages.¹² These, however, were isolated cases. Fortunately, we also have a more comprehensive account of an experiment that permits us to make some educated guesses about the kind of hard-to-get books Soviet readers really crave. (Again, we emphasize that our discussion is restricted to reading matter officially published and legally sold. There can be no doubt that countless titles not published in the USSR as ideologically, morally or otherwise objectionable, would find an eager audience in the USSR, but this subject, as indicated, is beyond the scope of this paper.)

On October 25, 1974, *Pravda* announced an experiment. In exchange for twenty kilos of scrap paper, individuals were to receive coupons entitling them to purchase a "rare" book for which there is, apparently, always great demand and which is normally unobtainable. The list of these books was revealing. Of the nine titles, only three were Soviet, Il'f and Petrov's comic novel *The Twelve Chairs* and Aleksei N. Tolstoi's *Aelita* and *Engineer Garin's Hyperboloid*, both of them combining elements of science fiction and social utopia. The other six were all translations of thriller novels of adventure, and juvenile classics: Alexandre Dumas' *Queen Margot*, Georges Simenon's *The Maigret Stories*, Wilkie Collins' *The Woman in White*, Arthur Conan Doyle's *The Hound of the Baskervilles*, Ethel Voynich's *The Gadfly*, and fairy tales by Hans Christian

9 Sikorskii, *Kniga, Chitatel', Biblioteka*, p. 254.

10 The figures relate to a single publishing house, Molodaya gvardiia. V. N. Ganichev, *Molodezhnaia pechat': istoriia, teoriia, praktika* (Moscow: Mysl', 1976), pp. 184-185.

11 The subject of foreign books in the USSR is discussed in considerable detail in Maurice Friedberg, *A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia* (Bloomington: Indiana University Press, 1977). The incident in question is described on pp. 273-274.

12 Walker, *Soviet Book Publishing Policy*, p. 100.

Andersen. Stores exchanging scrap for coupons were opened in ten Soviet cities, Moscow, Leningrad, Kiev, Alma Ata, Sverdlovsk, Gor'kii, Novosibirsk, Kemerovo, Krasnoiarsk, and Donetsk. Results became apparent soon enough:

The overwhelming success of the scheme surpassed all expectations. One newspaper correspondent reported long lines of people of all ages and backgrounds waiting in front of stores exchanging scrap paper for books, with young women pushing baby carriages loaded with old books and papers; there were also many automobiles with out-of-town license plates, showing that numerous customers traveled long distances to obtain a copy of one of the coveted books. Alexandre Dumas's *Queen Margot*, the first title to be printed, was soon being sold on the black market for twenty-five roubles (close to thirty dollars). Another newspaper revealed that in order to get a copy of *Queen Margot* or *The Hound of the Baskervilles* some people were bringing as part of the required forty-four pounds of scrap paper volumes of Gogol, Chekhov, Tolstoi, and Dostoevskii, to say nothing of Soviet authors. This does not, of course, indicate that the Russian classics are unread, but only that they are more readily available and hence can be replaced. It does, on the other hand, loudly attest to the great hunger for light, entertaining Western reading matter that is not being satisfied by Soviet publishing houses. One may reasonably expect that *Anna Karenina* and *Dead Souls* will be republished soon enough. But it is wiser not to take any chances with French historical romances or the adventures of London and Paris detectives; one never knows when these might become available again to Soviet readers.¹³

It would seem that having thus established beyond any doubt the existence of an unsatisfied demand for translations of foreign literature, the publishing authorities would proceed to take measures to satisfy that demand. That, however, was not the case. (Indeed, one may argue that the scrap paper scheme was promulgated because the authorities had been aware of this need for some time, but chose to do little or nothing about it — or even *consciously aggravate the situation*.)¹⁴ Virtually no books manufactured abroad are sold in the USSR, and Russian and other translations continue to be supplied in inadequate quantities.¹⁵

13 Friedberg, *A Decade of Euphoria*, p. 77.

14 Thus, a resolution of the Central Committee of the Communist party of May 31, 1960, criticized book distributors for "placing excessively high orders for translations of certain foreign authors of little artistic merit." At the same time the book distributors were taken to task for doing little to promote recent Soviet writing and, "in disregard of their customers' interests" (!), not ordering sufficient quantities of political books. *O partiinnoi i sovetskoi pechati, radioveshchanii i televidenii: Sbornik dokumentov i materialov* (Moscow: Mysl', 1972), pp. 466-468.

15 A 1976 scholarly survey of the book trade contains a separate chapter on the sale in the USSR of imported books. The chapter is devoted to "Druzhba" bookstores which sell publications from Soviet-bloc countries, and does not even

The situation may appear incongruous to a non-Soviet observer, but it is one that determines the essence of Soviet publishing and the Soviet trade. As a Soviet textbook informs :

Both book publishing and book trade are imbued with party spirit [*partiinost'*]. Book distributing enterprises are guided in their work by the policies of the Communist party, which also controls their activities.... The principle of Party spirit prompts book trading organizations and enterprises to focus their attention on the dissemination of those types of books that are most useful in the implementation of Communist party policies....In keeping with the postulate of party spirit, book trading organizations are engaged in promotion among the masses of publications dealing with socio-political, agricultural and other subjects. These organizations strive to ensure that the public be supplied, first and foremost, with publications that are ideologically the most important.¹⁶

Soviet sources are unanimous in designating book publishing and book trade an "integral part of the party's and the state's overall task of Communist education of the working masses."¹⁷ The practical implications of such views are obvious enough. At best, public demand is one of the many factors that ultimately influence publishing decisions.¹⁸ The primary considerations, however, are definitely political, and should these conflict with other factors, political factors must be upheld whatever the costs. To be sure, Soviet political rhetoric may pretend to see no contradiction here, but such assertions do not appear to be taken altogether seriously by the commentators themselves. Thus, Ganichev wrote in 1976 :

The effecting of an organic merger, *of unity of the two streams* — that of readers' demand and that of systematic work on the tasks of Communist upbringing of the young — is a very complex and very delicate problem. Taken as a whole, the two essentially coincide. Still, one cannot make a fetish of readers' demand. One cannot, so to speak, cast it in marble. Otherwise one faces the risk of being reduced to the role of a passive chronicler of processes and events among the young people. Still, it is just as dangerous to ignore altogether readers' preferences. Doing so threatens to invalidate the effort altogether.¹⁹

mention the few stores that occasionally sell also some books of Western origin. Arbuzov, *Knizhnaia trgovlia v SSSR*, p. 145.

16 G. N. Al'tshul', *Organizatsiia i tekhnika trgovli knigami* (Moscow: Kniga, 1965), p. 32.

17 Arbuzov, *Knizhnaia trgovlia v SSSR*, p. 15.

18 Thus, one study informs that "Press runs [*tirazhi*] of books are determined by specific tasks of the party's ideological work at a particular time. Orders from bookstores and book distributors *should also be considered.*" Al'tshul', *Organizatsiia i tekhnika*, p. 38. Italics supplied.

19 Ganichev, *Molodezhnaia pechat'*, pp. 171-172. Italics in the original.

As a British observer informs :

Some Soviet commentators have applied to publishing the distinction between "demand" (*spros*) and "need" (*potrebnost'*), arguing that publishing should be guided by needs rather than by demand and (concomitantly) profit. A theme which frequently accompanies this suggestion is that the tastes of the Soviet people must be "formed," a process in which publishers are said to have an important role. Demand, in other words, must be educated to become more closely identified with authoritatively defined needs; and the book trade has on occasion been accused of placing over-large orders for "time-honored" works which presumably reflect uneducated demand.²⁰

Distinction between "uneducated demand" and "authoritatively defined needs" may have implications reaching far beyond the confines of publishing and book trade. Suffice it to recall that the vision of a Communist future promises to satisfy every individual's *needs* (*potrebnosti*). (Will these, too, be satisfied only insofar as they may be approved by "authoritative" opinions? Whose opinions will then be "authoritative"?) Be that as it may, when pressed in the late 1970s by a foreign visitor for some clarification in the matter, the director of the Soviet Publishing House of Political Literature did provide a useful clue: "Having posed the question how reader demand was reconciled with party instructions on the amount of political literature to be issued, he replied that the former was expressed by the latter."²¹ In other words, reader demand is what the party says it is.

To the best of this writer's knowledge, there are few if any documented instances of inadequate supply of political books in the USSR, in bookstores or in the libraries. Quite the contrary. In 1974, unsold books dealing with political subject matter accounted for nearly *two and a half* times as many unsold books as all books printed by the same central publishers.²² Yet Soviet publishers are periodically exhorted to print larger quantities of political books of which there are apparently inadequate supplies to meet "authoritatively defined needs." Not that orders from bookstores for this type of reading matter cannot be filled. Rather, the fact that some bookstores *fail to stock* such publications as Marxist-Leninist classics and proceedings of the latest party congress is used to buttress the implied claim that were these available, they would have been sold.²³ Periodically, too, publishers of ostensibly non-political books are urged to politicize their lists. Thus, the Foreign Language Publishing House was directed, in that order, to bring out translations of writings from Soviet-bloc countries; "books by members of fraternal Communist and Workers' parties from capitalist countries which depict

20 Walker, *Soviet Book Publishing Policy*, p. 9.

21 Ibid., p. 107.

22 Ibid. Many of the unsold political books "were not sold because more had been delivered than had been ordered." We shall return to the latter problem below.

23 Such reasoning was used, for instance, in the Central Committee's resolution of July 24, 1967, *O partiinoi i sovetskoi pechati...*, p. 493.

the working masses' struggle for their rights, for social progress, as well as writings showing decay of the capitalist system and exposing contradictions within the imperialist camp"; books by "progressive" authors; and *censored* texts of works of "bourgeois" scholarship.²⁴ Not surprisingly, a special effort to further politicize was aimed at young readers. A 1966 decision of the Central Committee of the Young Communist League established within the Molodaia gvardiia (Young Guard) Publishing House a special series of books on military themes. By 1971-72 the output of this publisher alone included approximately one hundred books on military subjects, with a cumulative press run of over eleven million copies. (Similar books are also printed by other publishers.) By 1976, a Soviet scholar reports:

The subject of military duty and of military and patriotic upbringing of the young occupies a most important place in the book production of Molodaia gvardiia. Over seventy pamphlets dealing with applied military and historical military subjects are currently being offered to the prospective young draftee. A study of the ways and means to intensify the military and patriotic upbringing of the young led the Central Committee of the Young Communist League to conclude that books must be published to awaken and nurture young people's interest in acquiring a knowledge of military matters, in preparing oneself to serve in the ranks of the Soviet Army.²⁵

Military books aside, the Soviet scholar informs, publishers catering to young readers are particularly militant:

One needs hardly demonstrate that the publishing house [Molodaia gvardiia] releases, first and foremost, books that posit crucial social problems, that provide the young generation not merely with a passive understanding of Communist ideals, but also how to fight for them, books that teach the young to be socially active, that imbue them with the traits of militant citizenship. Those who publish books for the young generation must be sensitive to current moods and issues. They must understand that imparting to the young *political consciousness* is a central concern in the formation of a scientific [Communist] *Weltanschauung*. Socio-political writings are assigned here a central role. They help in understanding social processes and phenomena from Marxist-Leninist positions. They help in the quest for one's role in the common task.²⁶

24 The last group was described as "writings by bourgeois authors in the fields of philosophy, history, economics, diplomacy, and law. Such books are to be published in limited quantities *after the excision from them of passages of no scholarly or practical interest*. They are to be supplied with extensive introductions and detailed annotations." *O partiinoi i sovetskoi pečati...*, pp. 461-462. Italics supplied. (Resolution of the Central Committee of the Communist Party of June 4, 1959).

25 Ganichev, *Molodezhnaia pečat'*, p. 187.

26 *Ibid.*, p. 175. Ganichev expresses alarm over the fact that *twelve percent* of

Soviet readers are encouraged to purchase and read hard-core political books by means of different stratagems, some of them less than subtle. Thus, in 1977, while political books remained inexpensive, prices for fiction, reference works, books dealing with hobbies and scholarly works were raised *three-fold* in order to reduce demand.²⁷ A comparison of prices per publisher's sheet (i.e., 40,000 letters, spaces, etc.) for the various categories of books is revealing of the Soviet publishers' intentions: translations of foreign writing cost nearly four times as much as collections of party documents and five times as much as texts of speeches by Soviet leaders.²⁸ More direct and blunt methods are used as well:

Orders [for political books] from trading organizations which appear unjustifiably low may be amended by Glavkniga [the central book distributing agency] in agreement with the appropriate republic's trade organ, in which case the organization concerned must within three days reconsider the quantity it requires or give reasons for confirming its original figure. Works considered especially important or urgent *may be distributed from publishers to the book trade on the authority of Glavkniga, or its equivalent in the republics, without requesting orders, and must be paid for by the recipient trade organization.*²⁹

Thus, when all is said and done, Soviet bookstores are bullied into ordering or even brazenly coerced into accepting unordered shipments of political books and propagandistic pamphlets. And since, to add insult to injury, bookstores must also

Soviet young people read almost *no* books on political subjects; over half of them are uneducated young women. He is concerned, too, because all is not well with students, either. Some of them, he warns, are susceptible to the blandishments of Existentialism, Dostoevskii, Solov'ev, Albert Schweitzer, and "other bourgeois humanists of recent times." *Ibid.*, p. 41.

Among the various desiderata for the expansion of publication of political books, one suggestion, N. M. Sikorskii's, is transparently meretricious. Sikorskii deplors the fact that old runs of *Pravda* and minutes of various party congresses are hard to come by, and asks that they be reprinted (Sikorskii, *Kniga Chitatel, Biblioteka*, p. 85). It is difficult to believe that Sikorskii is not aware that such publications are rare for a good reason. In the USSR, they are periodically destroyed because they contain, inevitably, information embarrassing to current version of Soviet history. As Leszek Kolakowski, a Polish philosopher now in the West, noted a quarter of a century ago in a memorable essay, pseudo-socialist societies tend to object to old issues of newspapers.

Incidentally, book burning is not a thing of the Stalinist past. The practice is continued in Soviet libraries and bookstores "in order to forestall the sale to the population of publications containing obsolete information and advice that may confuse the reader." See Al'tshul' *Organizatsiia i tekhnika*, pp. 189-190.

²⁷ Walker, *Soviet Book Publishing Policy*, p. 11.

²⁸ Speeches by Communist party leaders cost 2.1 kopeks per publisher's sheet; party documents, 2.6 kopeks; Soviet prose, 6.3 kopeks; Soviet verse, 10.3 kopeks; translated foreign prose, 10.3 kopeks; translations of foreign verse, 10.8 kopeks. *Ibid.*, pp. 130-136.

²⁹ *Ibid.*, p. 97. Italics supplied.

pay for the unwanted merchandise, they must, somehow, pass the costs to their customers who are the ultimate victims of the procedure. Unfortunately, there are so far few if any grounds for hope that such practices might be discontinued in post-Brezhnev Russia.³⁰

It is, then, more likely than not that the following anecdote from the Stalin era will receive a new lease on life.

Prizes for superior performance are being awarded at a Soviet factory. Applause greets announcements that Comrade Petrova is presented with a radio receiver, and Comrade Ivanova with a trip to a workers' rest home.

"Last but not least," the director declares, "it gives me pleasure to cite Comrade Nikolaeva for her truly outstanding work. Comrade Nikolaeva will receive a beautiful set of Comrade Stalin's collected writings."

There is stunned silence, and, then, a stage whisper is heard:
"Serves the bitch right!"

30 A good example of the shrill rhetoric now in vogue is provided by the party's appeal to Soviet writers to model their work on that produced during the early periods of Stalinist industrialization. See *Pravda*, June 26, 1983, p. 1.

Замечания

Масадзи Ватанабе

Во-первых, я хотел бы сказать, что такого анализа или подхода к русской литературе у нас до сих пор совсем не было. Этот анализ можно назвать своего рода социологическим, разумеется, в американском смысле. С одной стороны, я высоко ценю доклад Фридберга за то, что он заставил нас обратить внимание на наш так называемый, мёртвый сектор. В этом отношении почти всех японских русистов можно осуждать с его точки зрения за их благонаравность или чопорность. Но с другой стороны, я не могу не защитить нашу традиционную методологию литературоведения. Японские русисты давно сосредоточивают свое внимание на то, чтобы понять настоящую ценность русской литературы, уделяя наибольшее внимание на сам текст произведений, так как они хорошо понимают, что в литературоведении самое главное — это *глубокое прозрение*. В самом деле, японская русистика таким путем оказала большое влияние на формирование новой японской литературы. Может быть, в будущем появятся русисты, которые будут заниматься таким социологическим анализом русского литературного процесса, какое он показал здесь. Однако я не буду считать такое направление литературоведения прогрессом в науке. Конечно, это вопрос вкуса, и я хорошо понимаю важность экономического, социологического факторов, влияющих на литературу. Тем не менее, грубо говоря, я считаю такие факторы в конце концов второстепенными. Литература должна высказывать своё только в литературе — это мое убеждение. Вследствие этого моё первое впечатление от доклада, откровенно говоря, вот какое. Почему такой большой знаток русской литературы, как Фридберг, зря тратит много ценного времени на такую работу? Правда, он оговорил в начале доклада, что он выбрал эту тему для общего разговора среди людей разных специальностей. Такое его соображение я хорошо понимаю. Однако здесь я вспоминаю одну японскую поговорку, вот такую: За все братья, *ничего не сделать*. Может быть, это для него лишний совет, но я не могу не сказать: не растрачивайте свой большой талант. Простите за мою невежливость. Почему я так откровенно высказал мое впечатление? Потому что, несмотря на его усилие, его анализ оказался не совсем удачным. Прежде чем изложить мои доводы, я хотел бы уточнить или спросить о его терминологии. Он употребляет термин “литературный процесс.” В последнее время я часто встречаюсь с этим термином. Но мне еще не совсем ясно, что такое литературный процесс. Далее, в одном и том же месте он упомянул о направлении эволюции литературных жанров. Что именно он имеет в виду под термином “эволюция литературных жанров.”

Теперь перейдем к его методологии. По-моему, его доклад можно назвать

своего рода расшифровкой официальных советских данных о книгоиздательском деле. Рассматривая этот вопрос, он умышленно оставил запрещенные книги вне поля разбора. С одной стороны, такое ограничение тематики выглядит очень удачным, более убедительным, так как такие запрещенные книги фактически не доступны общей публике. Но с другой стороны, ограничив свое рассмотрение такими узкими рамками, его доклад стал невсепоглощающим и непоследовательным. В его докладе нам бросается в глаза только мизерное положение, в котором советские читатели живут. Я сам немножко библиофил, так что я своими глазами видел в книжных магазинах в Москве и Ленинграде ту мизерность, о которой он только что рассказал. Но в то же время меня не раз поражал высокий уровень образованности и подготовленности читающей публики Советского Союза. Это относится не только к интеллигенции, но и к простому народу. Вот я вспомнил такой случай, когда я взял такси в Москве. Водитель такси спросил меня: “Вы откуда?” “Из Японии,”—ответил я. Тогда этот водитель сказал очень радостно, что он большой любитель японской литературы и уже прочитал некоторые произведения Кэнзабуро Оэ, Кобо Абэ и т. д. Среди них даже были книги, которых я еще не читал. Кстати, я хотел бы спросить, читал ли Фридберг Кэнзабуро Оэ? Он, наверняка, ответит: “Нет, этих я не читал, я не водитель такси.” В других странах редко встречаешься с такими случаями. Тогда я подумал, что среди любителей книги, повидимому, есть свой круг, в котором они обмениваются ценными, малодоступными книгами и информацией, так как современная японская литература сейчас считается книжной редкостью в Советском Союзе. Судя по этому, можно назвать советских читателей более сведущими и более образованными, чем средние читатели других стран. Почему я ссылаюсь на такой личный опыт? Потому что само количество книг не всегда является достоверным критерием культурного положения. Следовательно, статистические данные, которые он приводит, как бы они ни были объективными и точными, не совсем могут отражать внутреннюю сторону или внутренний мир советских читателей. Вот это мое замечание. Кроме этого, у меня есть еще вопрос, который прямо не касается сегодняшнего доклада. В последнее время в Советском Союзе вызывают большую сенсацию провинциальные писатели, так называемые “деревенщики,” например Распутин, Шукшин и т. д. В связи с этим я хотел бы узнать, каким путем такие безыменные малоизвестные писатели появляются на литературном поприще в Советском Союзе. Этот процесс меня очень интересует. В заключение разрешите мне процитировать строки последнего романа Андрея Вознесенского “О,” опубликованного в 11 номере “Нового мира” прошлого года. Там он писал: “Областное владимирское издательство выпустило первую мою книгу. Нашла меня редактор Капа Афанасьева и предложила издаться.” Следующая строка самая важная: “В России нет литературной провинции.” Значит, везде, даже в самых далеких уголках Советского Союза, можно найти хороших редакторов, не

говоря уже о хороших читателях. Из всего этого я хотел бы заключить, что его очень интересный доклад не смог раскрыть и охарактеризовать действительное состояние советского книгоиздательства.

Замечания

Нобуюки Накамото

Докладчик назвал свой доклад "Supply and Demand." Хотел бы сделать одно предложение, для дальнейшего исследования этой темы, вставить в название доклада еще одно слово: "циркуляция." Это понятие охватывает такие аспекты, как книги распространяются, читаются и воспринимаются среди читателей.

В последнее время, особенно в 70-ых годах, в Советском Союзе широкое развитие получило литературоведение как наука. Наш докладчик в начале своего доклада цитировал слова Б. М. Эйхенбаума. Ему известно, что как раз в конце 20-ых годов в Советском Союзе активно развивалось литературоведение как наука. Как результат появилась наука о тексте и издании произведений литературы так называемая "текстология." "Текстология" как термин впервые введен Б. В. Томашевским в книге *Писатель и книга: очерк о текстологии* (1928). Необходимо отметить, что Б. М. Эйхенбаум опубликовал прекрасную статью, "Основы текстологии," в книге *Редактор и книга* (1962). Стоит подчеркнуть, что основатели формализма—Томашевский, Эйхенбаум и другие—большие специалисты по текстологии. И после критики культа личности Сталина появились очень ценные литературоведческие работы, в том числе и текстологические труды. В результате этого теперь мы можем читать те материалы, с которыми до сих пор не могли познакомиться. И в настоящее время идет работа по восстановлению купюр. Что касается меня, то вместе с советскими специалистами занимаюсь восстановлением купюр.

Фридберг в своем докладе освещал по-новому важную проблему. Но все-таки я хотел бы подчеркнуть, что литературный и творческий процесс теснейшим образом связан с процессом "чтения" текста читателями. В последнее время не только в Советском Союзе, но и у нас в Японии и в других странах широко развивается наука о "чтении". Это очень важно. И в этой области советское литературоведение опережает другие страны по широте и глубине исследований. То же самое можно сказать по поводу издания книг. Например, возьмем книги академического издания. Полное собрание Льва Толстого, полное собрание Н. В. Гоголя, полное собрание А. П. Чехова и т. д. — все эти издания замечательны, несмотря на то, что еще остались купюры выше названных великих русских

писателей. Что касается издания энциклопедии и справочников, то, сравнивая содержание БСЭ с содержанием Американской энциклопедией, я предпочитаю БСЭ.

Как Ватанабэ уже сделал замечание, в Советском Союзе происходит очень сложный процесс развития культурной жизни. В подтверждение этого в Грузии несколько лет тому назад был издан великолепный альманах Беллы Ахмадулиной. Такого альманаха нигде не найдешь! И в Грузии же собираются выпустить антологию японской поэзии.

В Армении, сразу после первой мировой войны, существовал период геноцида. Я давно интересуюсь этим событием. Но невозможно было найти материалы об этом на русском языке. Однако, в Эреване, в библиотеке, я нашел очень много материалов, касающихся этого вопроса. Приведу еще другой пример. Я как литератор интересуюсь так называемой гражданской войной после Октябрьской революции. Особенно меня интересует как происходили бои во Владивостоке и на Дальнем Востоке. Об этом написали Фадеев, Вс. Вяч. Иванов и другие.

Я давно спрашивал у наших историков, кто же занимается проблемой касательно “буферного правительства.” “Буферное правительство”— это очень интересное историческое явление. Это временное местное правительство, которое существовало в период НЭПа, в 20-ых годах, и затем исчезло. Мне рассказали о нём японцы, которые своими глазами видели, что такое “буферное правительство.” Я давно разыскивал материалы об этом правительстве, но не находил. Случайно в Хабаровске, в музее, мне удалось попасть на интересную выставку. Там на выставке был объяснение, что такое “буферное правительство.”

Недавно я посетил остров Сахалин. Остров Сахалин считается советской “frontier,” удаленной окраиной. В столице острова Сахалина, Южно-Сахалинске, находятся краеведческий музей, областная библиотека и другие культурные учреждения. На полках библиотеки лежали все тома редчайшей энциклопедии, то есть, “Энциклопедический словарь Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К^о,” и другие ценные энциклопедии и словари.

В последнее время республиканские, областные издательства выпускают те материалы, которые не могут выпустить московские или ленинградские издательства.

Дискуссия

Уда попросил от докладчика дополнительные объяснения о различии степени ослабления и напряженности в течение 60-ых и 70-ых годов.

По сбъяснениям Фридберга, можно характеризовать 60-ые годы как конец так называемой “степели” (это отражено в издании “Одного дня Ивана Денисовича” Солженицина и в запрещении издания “Раковый корпус” и “В круге первом,”),

а 70-ые годы как ослабление социально-политического содержания литературных произведений и появление свежести в эстетико-литературной форме. (Это выражено в изданиях Булгакова, Вознесенского, Ахмадулиной и т. д.) По мнению Фридберга, поворот в литературе соответствует повороту в политике того же времени. Время, после поворота в 60-ых годах, было “лучше, чем при Сталине, но хуже, чем при Хрущеве, можно было писать о чем бы то ни было, но нельзя было касаться политики.”

По Фридбергу, для разъяснения такой ситуации важна политическая аргументация, но этого еще недостаточно. Поэтому он подчеркивает необходимость анализа о книгоиздании, ссылаясь на официальные советские данные о книжном рынке, как он сделал в своем докладе.

Ещё Уда попросил от докладчика дополнительные объяснения о контексте цитаты из Сикорского, будто в сельской местности читают рукописи. Фридберг объяснил дополнительно об этом следующее. “Сикорский обследовал положение в деревнях. Беседовал в библиотеках с библиотекарями, и они ему дали информацию, что половина людей никогда не может найти то, что они хотят читать. А так как существует в России старая традиция чтения стихов по памяти, многие люди знают стихи наизусть, но не точно. И они хотят иметь подлинный текст. Лучший пример устной поэзии в Советском Союзе — это поэзия Сергея Есенина. Есенин был любимым поэтом советской тюрьмы и советского лагеря, и его очень часто просто наизусть читали. И вот кто-то получает, скажем, томик Есенина и списывает для себя. Стихи в памяти долго могут не удержаться. Вот почему люди списывают текст. Люди списывают, чтобы иметь подлинный текст.”

С точки зрения чистого литературоведения, которое придает наибольшее значение самому тексту, Ватанабе возразил против Фридберга, что само количество книг не всегда является достоверным критерием качественного достоинства советских литературных произведений и читателей, то есть, не совсем может отражать внутренний мир советских читателей. На эти замечания, соглашаясь на то, что вообще качество не зависит от количества, считая, что литературоведческая ориентация Ватанабе носит аристократический характер, Фридберг говорит. “Я не люблю такого элитного отношения к культуре. Я считаю, что красивые картины должны быть не в частных квартирах, как у Эренбурга. Красивые картины должны быть в музеях, чтобы могли все люди видеть. В Советском Союзе в 30-ых и 40-ых годах написали замечательные произведения Борис Пастернак и Анна Ахматова, Осип Мандельштам и Марина Цветаева. Но вы знаете, где они впервые изданы? У нас в Америке. Мы издавали все эти произведения. Когда в Советском Союзе реабилитировали этих писателей, они перепечатывали те тексты, которые мы издавали.” Далее он объяснил: “Я бы сказал, что литературный процесс — это создание культуры. Это включает предоставление доступности к культурным ценностям всего народа. И вот почему я говорю о книгоредакции.”

Фридберг возражал против Накамото, который предпочитает Большую Советскую Энциклопедию Американской Энциклопедии. “В БСЭ у меня есть две статьи и несколько страниц в том же номере, — говорит Фридберг.— В 53-ем году я получил письмо, «Дорогой подписчик, возьмите ножницы или бритву и вырежьте от 102-ой по 108-ую страницу и вложите прилагаемые страницы.» На страницах, которые надо было вырезать, была статья о товарище Лаврентий Берия. А вместо этого я получил новую статью о Беринговом море. Я не горжусь такими справочниками, где информация искажается или вовсе не входит в энциклопедию.”

Тоже самое можно сказать и о “Краткой литературной энциклопедии,” к которой был дополнен том нескольких “реабилитированных” писателей. “Меня однажды спросил советский литератор: «Вы, как американский литературовед, чем гордитесь, что по-вашему составляет гордость американской литературы и американского литературоведения?» Он, наверное, ожидал, что я скажу Хемингуэй, Фолкнер и другие. Я сказал: «По-моему, я горжусь более всего тем, что в нашей энциклопедии американской литературы нет ни одной статьи, которая заканчивается со словами «не законно репрессировали и реабилитировали.»”

По мнению Фридберга, скудное издательское предложение значительно не удовлетворяет спроса читающей публики. Ватанабе, ссылаясь на личный опыт, противопоставил мнению Фридберга своё суждение, что советские читатели более сведущи и более образованны, чем средние читатели других стран. Фридберг ответил на это: Во-первых, это вопрос, касающийся понимания фактов, во-вторых, есть необходимость научного анализа этого вопроса. В Америке очень много начитанных шоферов такси, как и в Советском Союзе. Чтобы достичь научного суждения, недостаточно только отдельных немногих случаев, нужно судить о положении на основании определенного числа случаев.

На отрицательное высказывание Ватанабе к социологической ориентации литературы, Фридберг, приводит такой пример: “чтобы приготовить гуляш, в первую очередь нужно мясо. Но не получится хороший гуляш, если нет паприки.” Он пояснил, что внешняя форма книгоиздания, являющаяся небольшим аспектом литературного процесса, оказывает влияние на содержание произведения.